

THE EBONY TOWER

(excerpt)

As some compensation, he did have one last very useful *tête-à-tête* with Breasley. Most of his remaining questions of a biographical kind were answered – in the old man's fashion, but David sensed that he was not being seriously misled. At times there was even a convincing honesty. David had asked about the apparent paradox of the old man's pacifism in 1916 and his serving as medical orderly with the International Brigade during the Spanish Civil War.

'White feather, dear boy. Quite literal, you know. Had a collection of the damn' things. Didn't care, all a joke. Russell, he converted me. Hearing him talk, public lecture he gave. Best brain, best heart. Unique. Never met it again.' They were up at the window table in his bedroom, with the two beds behind them. David had asked to be shown the Braque – and heard the story of the other Breasley once owned but had had to sell to pay for Coët and its conversion. The old man smiled at him. 'Years go by. Keep thinking, don't you know. Whether it wasn't all just yellowbelly. Have to find out in the end. Get it out of your system. Know what I mean?'

'I can imagine.'

The old man stared out of the window; the setting sun on the trees.

'Scared stiff. The whole time. Hated it. Had to draw. Only way I got through.' He smiled. 'Not death. You prayed for death. Still hear the pain. Relive it. Wanted to pin it. Kill it. Couldn't draw it well enough.'

'Perhaps not for yourself. You did for the rest of us.'

The old man shook his head.

'Salt on the sparrow's tail. Mug's game.'

David had led him into less traumatic areas of his life; and even risked, towards the end, giving the old man some of his own medicine. If he pretended ignorance of the parallels David had drawn in his article, how was it that the girls so admired his memory for paintings? Breasley cast him a wry look and pulled his nose.

'Little bitches gave the game away, did they?'

'I twisted their arms when you were asleep.'

The old man looked down and smoothed the edge of the table.

'Never forgot a good picture in my life, David.' He looked out over the garden again. 'The names, yes. But what's a name. Bit of fiddle in a corner. That's all.' He cocked a cryptic thumb back at the Braque and winked. The image survives; is all that matters.

'So I won't have to leave myself out of the bibliography?'

'Hanged man. Not the Verona thing. Foxe. I think. Can't remember now.'

He was talking about a detail in the background of the Pisanello *St George and the Princess* and an echo in one of the most sombre of the Coëtminais series, untitled, but Desolation would have done; a wood of hanged figures and of living ones who seemed as if they wished they were hanged.

Подборка опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»

<http://www.thinkaloud.ru/parallelsya.html>

'Foxe escapes me.'

'*Book of Martyrs*. Woodcuts. Old copy at home. Terrified me. Aged six, seven. Far worse than the real thing. Spain.'

David risked a further step.

'Why are you so reluctant to reveal sources?'

The question visibly pleased the old man; as if David had fallen into a trap.

'My dear boy. Painted to paint. All my life. Not to give clever young buggers like you a chance to show off. Like shitting, yes? You ask why you do it. How you do it. You die of blocked arsehole. Don't care a fart in hell where my ideas come from. Never have. Let it happen. That's all. Couldn't even tell you how it starts. What half it means. Don't want to know.' He nodded back at the Braque. 'Old George had a phrase. *Trop de racine*. Yes? Too much root. Origin. Past. Not the flower. The now. Thing on the wall. *Faut couper la racine*. Cut the root off. He used to say that.'

'Painters shouldn't be intellectuals?'

The old man smiled.

'Bastards. Never knew a good one who wasn't. Old Pick-bum. Appalling fellow. Flashing his gnashers at you. Sooner trust a man-eating shark.'

'But he was reasonably articulate about what he was doing?'

The old man puffed in violent disagreement. 'Eyewash. My dear boy. *Fumisterie*. All the way.' He added, 'Very fast worker. Overproduced all his life. Had to cod people.'

'*Guernica*?'

'Good gravestone. Lets all the scum who didn't care a damn at the time show off their fine feelings.'

There was a flash of bitterness; a tiny red light suddenly; something still raw. David knew they were back with abstraction and realism and the old man's own record of Spain. The grudge against Picasso was explained. But Breasley himself drew back from that brink.

'*Si jeunesse savait*... know that?'

'Of course.'

'That's all. Just paint. That's my advice. Leave the clever talk to the poor sods who can't.'

David had smiled and looked down. Some time later he had stood to go, but the old man stopped him before he could move away.

'Glad you've hit it off with the gels, David. Wanted to say. Gives 'em a break.'

'They're a nice pair of kids.'

'Seem happy, do they?'

'I've had no complaints.'

'Not much to offer now. Bit of pocket-money.' He sought confirmation on something. 'Never much good at wages. That sort of thing.'

'I'm quite sure they're not here for that.'

'Something regular. Might be better, don't you think?'

'Why don't you ask the Mouse?'

The old man was staring out of the window. 'Very sensitive gel. Money.'

'Would you like me to sound them out?'

Подборка опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»

<http://www.thinkaloud.ru/parallelsya.html>

Breasley raised a hand. 'No, no, my dear fellow. Just your advice. Man to man, don't you know.' Then he suddenly looked up at David. 'Know why I call her the Mouse?'

'I did rather wonder.'

'Not the animal.'

The old man hesitated, then reached and took a sheet of notepaper from a drawer beside him. Standing at his shoulder, David watched him address himself to the paper as if to some formal document; but all he did was to print in pencil the letter M and then, after a space, the letters U, S, E. In the space between the M and the U the wrinkled hand drew, in five or six quick strokes, an O-shaped vulva. Then Breasley glanced drily back up at David; a wink, the tip of his tongue slipped out like a lizard's. Almost before David had grasped the double meaning the piece of paper was crumpled up.

'Mustn't tell her.'

'Of course not.'

'Dread losing her. Try to hide it.'

'I think she understands that.'

The old man nodded, then gave a little shrug, as if age and fate must win in the end; and there was no more to be said.

ДЖОН ФАУЛЗ

БАШНЯ ИЗ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА

(отрывок)

Перевод К. Чугунова

Зато — в порядке компенсации — он получил еще одну, последнюю возможность побеседовать с Бресли *tete-a-tete*. На большую часть вопросов биографического характера Бресли ответил в своей обычной манере, но Дэвид все же чувствовал, что основные факты он излагает правильно. Некоторые же ответы звучали даже искренне. Дэвид попросил старика объяснить явный парадокс: его пацифизм в 1916 году и последующая служба санитаром в Интернациональной бригаде во время гражданской войны в Испании.

— Трусил, мой дорогой друг. В буквальном смысле. Была у меня целая коллекция всякой дряни. Я-то на это плевал, считал чепухой. Рассел просветил меня. Слушал его речи, публичные лекции. Умнейшая голова, добрейшее сердце. Единственный в своем роде. Таких больше не встречал. — Они сидели за столом у окна его спальни, сзади них стояли две кровати. Дэвид попросил показать ему Брака. Старик сказал, что когда-то у него была еще одна картина этого художника, но ее пришлось продать, чтобы купить Котминэ и произвести в нем необходимые переделки. — Годы-то

ДЖОН ФАУЛЗ

БАШНЯ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА

(отрывок)

Перевод А. Панасьева

В виде некоторой компенсации Дэвиду удалось еще раз — и очень успешно — побеседовать *tête-à-tête* с Бресли. На все вопросы, которые ему еще хотелось задать художнику касательно некоторых биографических деталей, были даны ответы — в типично Бреслиевом стиле. Но Дэвид нутром чувствовал, что если рассказываемое и отличается от реальных фактов, то лишь незначительно. В некоторые моменты речи старика звучали с убедительной честностью. Среди прочего Дэвид спросил, нет ли странного несоответствия между публично заявленным Бресли пацифизмом во время первой мировой войны и тем, что во время гражданской войны в Испании он служил санитаром в Интернациональной бригаде.

— Все очень просто, мой мальчик. Тогда я просто сдрейфил. Вот и все. И такое не раз со мной случалось. Ну, и наплевать мне было на все эти глупости. Рассел — вот кто наставил меня на путь истинный. Одну его лекцию слушал, башковитый он был и большой души человек. Уникальная личность. Видел его тогда в первый и последний раз.

Беседа проходила в спальне, у окна.

ДЖОН ФАУЛЗ

БАШНЯ ИЗ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА

(отрывок)

Перевод И. Бессмертной

В порядке компенсации Дэвиду удалось напоследок еще раз побыть с Бресли наедине — этот прощальный тет-а-тет оказался весьма полезным. Старик ответил на все оставшиеся неясными вопросы о его биографии — разумеется, в своей обычной манере, но Дэвид понимал, что на этот раз его не так уж всерьез водят за нос. Порой ответы старого художника были на удивление искренними. Дэвид спросил, например, как разрешить один из необъяснимых парадоксов старого мастера: его пацифизм в 1916 году и службу санитаром в Интербригаде во время гражданской войны в Испании.

— Да труса праздновал тогда, милый юноша. В буквальном смысле, знаете ли. И неоднократно. И плевал на все — считал, все это гроша ломаного не стоит. Меня Рассел переубедил. Услышал его как-то. Он публичную лекцию читал. Высочайший ум, высочайшая душа! Уникальный человек. Больше таких не встречал.

Они стояли в спальне Бресли, у большого стола перед окном, спиной к кроватям. Дэвид перед этим попросил разрешения посмотреть Брака — услышал

идут, — с улыбкой продолжал Бресли. — А я вот все, знаете ли, думаю. Может, это не было просто трусостью. Надо же в конце концов выяснить. И выбросить из головы. Понимаете?

— Кажется, да.

Старик смотрел в окно. Солнце уже заходило, его лучи освещали стволы деревьев.

— Ужасно боялся. Все время. Ненавидел войну. Но надо было рисовать. Только это и помогло выдержать. — Бресли улыбнулся. — Не смерти боялся. Молил бога о смерти. А вот боль до сих пор чудится. Не выходит из памяти. Хотел зафиксировать ее. Уничтожить. Но не сумел изобразить.

— Может быть, вам так кажется. Все остальные считают иначе.

Старик покачал головой:

— Это все равно как соль сыпать на хвост. Не на дурака напали.

Дэвид постарался отвлечь старика от этой больной темы и даже под конец рискнул предложить ему собственное лекарство. Если он отрицает параллели, о которых Дэвид говорит в своем очерке, то как совместить это с тем, что девушки восхищены его способностью помнить картины других художников? Бресли бросил на него косой взгляд и потянул себя за нос.

— Выдали меня сучки, а?

— Пока вы спали, я выкручивал им руки.

Дэвид поинтересовался историей приобретения картины Брака, а старик ему рассказал, что у него было две картины Брака — одну пришлось продать для покупки Коэтминэ. Хватило оплатить и все перестройки.

Старик улыбнулся:

— Знаешь, все эти годы думал и думал о прошлом. И понял, что, скорее всего, тогда просто струхнул. Надо же себе признаваться. Чтоб избавиться от сомнений. Понимаешь, о чем я?

— Да, вполне.

Старик поглядел в окно. Дэвид тоже. Лучи заходящего солнца чиркали по верхушкам деревьев.

— Да, вот так вот. Страшно было. Ужасно страшно. Постоянно. Невероятно тяжело было. Спасался тем, что рисовал. Рисовал и рисовал. Иначе бы не выжил.

Опять улыбнулся:

— Не страх смерти мучил. Там молились о смерти. Боль. Раненые, умирающие. Боль можно было руками потрогать. Я до сих пор слышу те стоны. А помочь не можешь. Хотелось убить эту проклятую боль. Хотел нарисовать, но такое не нарисуешь.

— Вы же не просто за себя стояли. За всех, так сказать, нас. Старик покачал головой.

— Чепуха все это. Воробья на мякине не проведешь. Игры для дураков.

рассказ о другом его полотне, которое Бресли пришлось продать, чтобы купить и привести в порядок Котминэ. Старик улыбнулся, взглянув на Дэвида:

— Годы идут. Все думаю, знаете ли. Может, все это на самом деле и не было трусостью. Должен, в конце концов, сам разобраться. Чтоб больше в голове не держать. Понимаете, что я имею в виду?

— Могу себе представить.

Старый художник смотрел в окно. Солнце заходило, его лучи золотили деревья в саду.

— Перепуган был до смерти. Все время. Терпеть сил не хватало. Должен был рисовать. Иначе не выжил бы. — Он опять улыбнулся. — Умереть не боялся. В такое время даже молишь о смерти. До сих пор ту боль слышу. Заново ее переживаю. Хотел ее пригвоздить. Утихомирить. Не вышло. Плохие рисунки.

— Может быть, для вас и не вышло. Зато — вышло для нас всех.

Старик покачал головой:

— Это — как соль на хвост ласточке сыпать. Мартышкин труд.

Дэвид увел беседу от этой больной темы, задавая вопросы о более благополучных периодах жизни художника; он даже рискнул к концу разговора поймать старика на слове. Если Генри утверждает, что ему неизвестны художники, параллели с творчеством которых Дэвид пытался выявить

Старик опустил глаза и погладил рукой край стола.

— Хорошую картину никогда не забываю, Дэвид. — Он снова посмотрел в сад. — Имена — да. Но что значит имя? Почти ничего. — Он указал большим пальцем на картину Брака и подмигнул. Изображение-то, мол, остается, а это — главное.

— Стало быть, я могу не изымать себя из библиографии?

Бресли, словно не слыша вопроса, сказал:

— Повешенный. Не веронец. Лиса. Кажется. Уже не помню.

Он имел в виду одну деталь в глубине фрески Пизанелло «Св. Георгий и принцесса», которая послужила темой для одного из самых мрачных полотен серии Котминэ; оно не имело названия, но могло бы быть названо «Скорбь» — лес, фигуры повешенных и живых, которые, казалось, завидовали повешенным.

— Лисы не припоминаю.

— «Книга мучеников». Гравюра на дереве. Старый экземпляр был у нас дома. Привела меня в ужас. Шести-семи лет. Гораздо страшнее, чем в жизни. Испания.

Дэвид решил задать еще один вопрос:

— Почему вы так неохотно раскрываете свои источники?

Вопрос явно понравился старику — словно Дэвид, задав его, угодил в ловушку.

Дэвид поспешно стал уводить старика от болезненных воспоминаний. В конце концов он даже рискнул применить кое-какие приемы из арсенала самого старика. Если он притворялся, что не понимает художественных параллелей, намеченных Дэвидом в своей статье между творчеством Бресли и другими художниками, почему же тогда и Диана и Анна так восхищались его памятью на картины? Бресли бросил на Дэвида косой взгляд и пощипал кончик носа

— Что, эти сучки уже натрепались?

— А я им, так сказать, руки выкручивал пока вы спали. Старик опустил глаза и провел рукой по краю стола, словно приглаживая его.

— Хорошую картину, хоть раз увиденную, никогда не забывал. Вот так, Дэвид.

Снова глянул в сад.

— Имена — да, могу забыть. Но что такое имя? Пустяк. Вот так-то.

Бресли ткнул большим пальцем в сторону Брака на стене и подмигнул Дэвиду.

— Образ, вот что важно. Образ живет. А все остальное не важно.

— Так что, мне оставлять свою статью о вас в библиографии к альбому?

— Да, да, уловил ты правильно. Но не в веронской картине, а у Фокса... не помню точно.

Старик говорил о детали на фреске Пизанелло "Св.Георгий и принцесса" — о

в своей статье, почему Мышь и Уродка восхищаются тем, как поразительно ясно он помнит множество полотен? Бресли искоса взглянул на Дэвида и потянул себя за кончик носа:

— Вот паршивые сучонки, все карты мои раскрыли, а? Нет?

— Вы спали, а я в это время выкручивал им руки.

Старый художник потупился и погладил ладонью угол стола.

— Ни одной хорошей картины в жизни не забыл, Дэвид. — Он снова устремил взгляд на сад за окном. — Имена — да, забываю. Но что такое имя? Закорючка в уголке. Всего-навсего. — Он выразительно ткнул большим пальцем в ту сторону, где висело полотно Брака, и подмигнул: — Образ живет, вот что важно.

— Так что мне не следует исключать собственное имя из библиографии?

— Повешенный. Не веронская фреска. Фокс. Кажется. Точно не помню.

Теперь он говорил о детали на заднем плане фрески Пизанелло «Святой Георгий и принцесса» и о том, как воспоминание о ней отозвалось на одном из самых мрачных полотен серии Котминэ, пока еще не имеющем названия, но его вполне можно было бы назвать «Безысходность»: лес, фигуры повешенных и рядом — живые люди, с такими лицами, что им, кажется, жаль, что не они болтаются на этих веревках.

— Мой дорогой мальчик. Писал, чтобы писать. Всю жизнь. И не давать умникам вроде вас похвалиться своими познаниями. Все равно что испражняться, да? Вы спрашиваете, зачем я это делаю. Как делаю. Ведь от запора можно умереть. Мне ровным счетом наплевать, как возникают мои замыслы. Никогда не придавал этому значения. Само собой получается, и все тут. Даже не знаю, как это начинается. Не до конца понимаю значение. И понимать не хочу. — Он кивнул головой на Брака. — У старого Жоржа была фраза: «Trop de racine». Да? Слишком много корня. Начала. Прошлого. А самого цветка нет. Вот этого самого. На стене. Faut couper la racine. Отрезать корень. Так он говорил.

— Живописцы не должны быть интеллектуалами?

Старик улыбнулся:

— Выродки. В жизни не встречал стоящего художника, который не считал бы себя интеллектуалом. Старый осел Пикассо. Ужасающий тип. Так и щелкает на тебя зубами. Скорее бы акуле доверился, чем ему.

— Но ведь он дает достаточно ясно понять, о чем пишет?

Старик даже фыркнул, показывая всю меру своего несогласия.

— Вздор, мой дорогой. Fumisterie. Сплошь. — И добавил: — Слишком быстро работал. На протяжении всей жизни — сплошное перепроизводство. Дурачил людей.

фигуре повешенного; она, эта деталь, отозвалась в одной из самых мрачных картин, написанных в Коэтминэ и оставшихся без названия. Той картине вполне можно было бы дать название "Мерзость запустения" или "Отчаяние" — там был изображен лес, на каждом дереве которого висел повешенный, а живые под деревьями выглядели так, как будто они сожалеют о том, что их до сих пор не повесили.

— Фокс? Что-то я не припомню.

— Шестнадцатый век. "Книга мучеников". Гравюры на дереве. Эта книга была у нас в доме. Старинное издание. Мальчиком я часто рассматривал ее. Мне было лет шесть-семь. Картинки приводили меня в ужас. Почтище того, что я видел в Испании.

Дэвид рискнул сделать следующий шаг:

— А почему вы так неохотно рассказываете об источниках? Тех, из которых черпаете идеи и вдохновение?

Судя по выражению лица, вопрос старику понравился — будто бы Дэвид попался в подготовленную ему ловушку.

— Дорогой мой мальчик, я писал картины ради того, чтобы писать картины. А не для того, чтобы молоденькие жеребчики вроде тебя имели возможность похвастаться своими знаниями. Ну, это можно сравнить, например, со сраньём. Если начнешь

— При чем тут Фокс?

— «Жития мучеников». Гравюры на дереве. Старинное издание. У нас дома. Меня в ужас приводили. Мальчишкой был. Шести лет, семи... Еще хуже, чем реальность. Чем Испания. Дэвид рискнул пойти еще дальше:

— А почему вы так неохотно раскрываете свои источники?

Вопрос явно понравился старому художнику; казалось, Дэвид угодил в расставленную ему ловушку.

— Милый юноша, я писал, чтобы писать. Всю свою жизнь. Вовсе не затем, чтобы дать молодым шелкоперам вроде вас шанс похвастать интеллектом. Как естественную надобность отправлял. Разве задаешься вопросом, зачем ты испражняешься, а? Или — как ты это делаешь? Если тебе зад заткнуть — подохнешь, и все тут. Да я кладу с прибором на то, откуда мои замыслы берутся! И так всегда. Получается — и ладно. Вот и все. Я даже не могу объяснить, как это начинается. Наполовину и не представляю, что это может означать. И знать этого не хочу. — Он кивком головы снова указал на Брака. — Старина Жорж любил повторять: «Trop de racine». А? Слишком много корней. Первоначала. Прошлого. А цветка нет. Сегодняшнего. Того, что тут, на стене. «Faut couper la racine». Надо обрезать корни. Он часто это говорил.

— Выходит, художник не может быть

<p>— А «Герника»?</p> <p>— Хорошее надгробие. Позволяет всяким подонкам, в свое время плевавшим на Испанию, выражать теперь свои благородные чувства.</p> <p>В тоне Бресли звучала горечь; вдруг вспыхнул крошечный красный огонек; что-то еще болело. Дэвид видел, что разговор возвращается к спорам об абстракционизме и реализме и к воспоминаниям об Испании. Неприязнь старика к Пикассо стала понятна. Но Бресли сам отступил.</p> <p>— Si jeunesse savait... Знаете?</p> <p>— Конечно.</p> <p>— Вот и все. Просто берите кисть и работайте. Это мой совет. А умные разговоры пускай ведут те несчастные гомики, которые не умеют писать.</p> <p>Дэвид улыбнулся и опустил глаза. Потом встал, намереваясь уйти, но старик остановил его.</p> <p>— Рад, что вы поладили с девчонками, Дэвид. Хотел вам сказать. Все-таки им развлечение.</p> <p>— Они хорошие девушки.</p> <p>— Вроде довольны, вы не находите?</p> <p>— Жалоб, во всяком случае, не слышал.</p> <p>— Не много я могу им теперь дать. Разве что денег на карманные расходы. — Старик выжидательно помолчал. — Всегда стесняюсь разговаривать о жалованье и прочем.</p> <p>— Я убежден, что они здесь не ради</p>	<p>спрашивать, чего ты срешь или как ты это делаешь, сдохнешь от закупорки говна в жопе. Мне до сраки, откуда приходят ко мне "идеи". И всегда мне было на это насрать. Все должно происходить само собой. Вот и все. Не знаю даже, как, откуда это все берется у меня в голове. И не хочу знать. Иногда приходят образы, которых я вообще не понимаю... Старина Брак (старик кивнул в сторону картины на стене) говаривал: <i>Trop de racine</i>. Понимаешь? Слишком много корней. Слишком много прошлого, глубин. А цветочков мало. А нужно не прошлое, а сегодняшнее. Вот как то, на стене. <i>Faut couper la racine</i>. Отрезать корни. Вот так говаривал старина Брак.</p> <p>— Художникам не нужно быть большими интеллектуалами? i Старик улыбнулся:</p> <p>— Какой интеллектуал из художника? Но соображать, чего делаешь, нужно. Ни одного приличного художника не знал, который был бы без соображения. Возьми этого, как его... Пыкасю... Страшный человек. Говорит с тобой, зубы щерит. Лучше иметь дело с акулой.</p> <p>— Но, насколько мне известно, Пикассо вполне толково пояснял, что и почему он делает.</p> <p>Старик громко запыхтел, показывая свое несогласие.</p> <p>— Болтовня, и все. Fumisterie, мой дорогой мальчик. Вот как это называется!</p>	<p>интеллектуалом?</p> <p>Старик усмехнулся:</p> <p>— Притворщики. Ни одного хорошего живописца за всю жизнь не встретил, кто бы ни притворялся. Нет таких. Пика-ссун тоже. Ужасающий тип. Так и сверкает на тебя зубищами своими. Скорее акуле-людоеду поверил бы, чем ему.</p> <p>— Но он вполне доходчиво говорил о том, что он пишет, разве нет?</p> <p>Старик возмущенно фыркнул, выражая несогласие:</p> <p>— Пыль в глаза. Мой милый мальчик! Fumisterie. Всю дорогу. — И добавил: — Слишком быстро он работал. Всю жизнь — сплошное перепроизводство. Приходилось морочить людям голову.</p> <p>— А «Герника»?</p> <p>— Прекрасный памятник. Теперь любой подонок, который в то время плевать хотел на Испанию, может выражать свои благородные чувства.</p> <p>В его голосе послышалась горечь: словно вспыхнул красный огонек тревоги, дала о себе знать старая боль. Дэвид понял: они возвращаются к спору об абстракции и реализме, к воспоминаниям старика о его собственном испанском опыте. Неприязнь к Пикассо получила объяснение. Но Бресли сам отступил от края пропасти.</p> <p>— Si jeunesse savait... — Знаете это?</p> <p>— Разумеется.</p> <p>— Вот и все. Просто пишите картины.</p>
---	---	---

<p>денег.</p> <p>— Все-таки лучше, когда регулярно. Вы не думаете?</p> <p>— А почему вы Мышь об этом не спросите?</p> <p>Старик снова посмотрел в окно.</p> <p>— Очень щепетильная девчурка. В денежных делах.</p> <p>— Хотите, я у них выясню?</p> <p>Бресли поднял руку.</p> <p>— Нет, нет, мой друг. Я только советуюсь с вами. Как мужчина с женщиной, понимаете?.. Ужасно боюсь потерять Мышь. Стараюсь скрыть это.</p> <p>— По-моему, она это понимает.</p> <p>Старик кивнул и слегка пожал плечами, как бы желая сказать, что время и судьба в конце концов возьмут свое; на этом разговор кончился.</p>	<p>После небольшой паузы добавил:</p> <p>— Работал слишком быстро. Всю жизнь производил больше, чем нужно. Дурачил людей.</p> <p>— Ну, а что вы скажете о его "Гернике"?</p> <p>— Сошло бы для надгробия. Чтоб те сволочи, которым тогда было наплевать, могли бы теперь демонстрировать свои возвышенные чувства.</p> <p>В голосе старика прозвучала горечь, в глазах вспыхнул предупредительный огонек. В душе старика не все еще улеглось. Дэвид почувствовал, что разговор опять может повернуть к спору об абстракционизме и реализме, к воспоминаниям об Испании. Неприязнь к Пикассо получила объяснение, а дальше? Н Бресли сам ушел от опасной темы.</p> <p>— <i>Si jeunesse savait...</i> Знаешь эту поговорку?</p> <p>— Конечно.</p> <p>— Ну и ничего больше не нужно. Просто творить, вот и все. Пусть болтают те умники, которым творить не дано.</p> <p>Дэвид, улыбнувшись, опустил глаза. Когда он уже собирался уходить, старик остановил его.</p> <p>— Рад, что тебе удалось найти общий язык с девицами. Пусть хоть немножко развлекутся. Для разнообразия.</p> <p>— Они очень милые девочки.</p> <p>— Ну и вроде бы им тут не очень плохо живется, а?</p>	<p>Мой вам совет. А заумь всякую оставьте несчастным импотентам, которые их писать не могут.</p> <p>Дэвид улыбнулся и опустил глаза. Через некоторое время он поднялся, чтобы пойти к себе, но старый художник его остановил:</p> <p>— Рад, что вы подружились с девчурками, Дэвид. Собирался вам сказать. Все-таки им развлечение.</p> <p>— Они — хорошие девочки.</p> <p>— Вроде бы довольны, а? Нет?</p> <p>— Жалоб я не слышал.</p> <p>— Не очень-то много могу им предложить. Теперь. Разве что на карманные расходы. Немного. — Он явно искал подтверждения каким-то своим мыслям. — Не умею зарплату назначать. Никогда не умел. Такая вот вещь.</p> <p>— Уверен, что они здесь вовсе не из-за денег.</p> <p>— Нужно что-то регулярно платить. Лучше было бы, а? Как вы думаете?</p> <p>— Почему бы вам с самой Мышью не поговорить?</p> <p>Старик не отрываясь смотрел в окно.</p> <p>— Очень щепетильная девочка. Если речь о деньгах — особенно.</p> <p>— Хотите, я сам прошупаю почву? Бресли поднял ладонь:</p> <p>— Нет-нет, дорогой мой. Только советуюсь. Как мужчина с женщиной, вы же понимаете. — Тут он вдруг взглянул на</p>
---	--	--

	<p>— Они не жаловались.</p> <p>— Жаль, что многого я им теперь предложить не могу. Разве что карманные денежки... — Подумав пару мгновений, добавил, словно бы извиняясь: — Никогда толком не умел людям деньги платить. Как-то не получалось...</p> <p>— Я совершенно уверен, что они живут здесь не из-за денег.</p> <p>— Возможно, но все равно было бы лучше, если бы они получали вроде как зарплату, что ли. Тебе не кажется?</p> <p>— А почему бы вам прямо не спросить об этом у Мышки? Старик посмотрел в окно.</p> <p>— Очень шепетильная девица. Особенно во всем, что касается денег.</p> <p>— А вы не хотели бы, чтоб я их осторожно порасспрашивал, что и как?</p> <p>Бресли предупредительно поднял руку.</p> <p>— Нет, нет, вот этого и не надо. Просто дай мне совет. Как мужчина мужчине. — Глянул Дэвиду прямо в глаза: — А знаешь, почему я прозвал ее Мышкой?</p> <p>— Нет, не знаю. И догадаться трудно. В ней ничего мышинового вроде и нет?</p> <p>— Нет. Но это не по ассоциации со зверьком.</p> <p>После некоторого колебания Бресли открыл ящик стола, за которым сидел, и вытащил лист чистой бумаги. Положил на стол перед собой. Дэвид, стоя за его спиной и глядя через плечо, видел, как старик слегка</p>	<p>Дэвида. — А знаете, почему я прозвал ее Мышь?</p> <p>— Нет. Но хотел бы знать.</p> <p>— Не зверька имел в виду.</p> <p>Старик явно колебался. Потом протянул руку и взял из ближнего ящика стола лист бумаги. Стоя за его плечом, Дэвид видел, как Бресли внимательно разглядывал бумагу, словно держал в руках официальный документ, но лист был чистый, и он, взяв карандаш, изобразил на нем большое печатное «М», а затем, на некотором расстоянии — «ы», «ш», «ь» — размером поменьше. Строкой ниже — снова большое «М», затем — «у», «з», «а».</p> <p>— С одной и той же буквы начинаются. Потом он издал сухой смешок, оглянулся и подмигнул Дэвиду:</p> <p>— Впрочем, и это — тоже. И тоже на «М»...</p> <p>Он снова изобразил большое «М», а рядом его морщинистая рука пятью-шестью штрихами набросала крохотный рисунок: женские гениталии, заключенные в миниатюрный овал. Быстро, словно ящерица, старик облизал губы острым кончиком языка. И прежде чем Дэвиду стал ясен двойной смысл изображенного, лист бумаги был скомкан и рисунок исчез.</p> <p>— Не говорите ей, ладно?</p> <p>— Разумеется.</p> <p>— Очень боюсь потерять ее. Не хочу, чтоб заметила.</p>
--	---	---

	<p>наклонился, взял карандаш, изготовился так, словно собирался написать какое-то официальное письмо. А затем несколькими быстрыми движениями морщинистой руки изобразил женское укромное местечко, вплетенное в вязь стилизованных букв. В первое мгновение Дэвид даже и не сообразил, что именно написано, а потом, догадавшись, что это и есть "мышка", хотел было рассмотреть удивительный рисунок получше, однако старик, бросив весьма холодный взгляд на Дэвида и подмигнув ему, резко скомкал лист. Облизнул губы мгновенным движением – язык мелькнул как у ящерицы.</p> <ul style="list-style-type: none">– Не надо об этом ей говорить.– Что вы, конечно.– Очень боюсь потерять ее. Но пытаюсь это скрывать.– Мне кажется, что она все понимает. <p>Старик кивнул, быстро пожал плечами, что, очевидно, должно было значить: старость и судьба все равно возьмут свое. Наступило молчание...</p>	<p>— Мне думается, она это понимает.</p> <p>Старик кивнул, потом слегка пожал плечами: мол, возраст и судьба в конце концов возьмут свое; говорить больше было не о чем.</p>
--	--	--